

В Ленинграде сорок четыре года назад родилась песня о советском рабочем классе, которой суждено было стать любимой песней многих поколений — великая, чудесная «Песня о Встречном». О ней наш рассказ в день 70-летия выдающегося композитора.

Сегодня исполняется 70 лет со дня рождения Дмитрия Дмитриевича ШОСТАКОВИЧА

Песня о рабочем классе

В ГОДЫ первой пятилетки в рабочих коллективах Ленинграда зародилось движение за встречные планы. В подарок Шестнадцатому съезду партии, состоявшему летом 1930 года, трудящиеся завода имени Карла Маркса изготовили дополнительно, сверх плана, прядильную машину. Начинание вызвало широкий отклик. Трудовое воодушевление становилось решающей приметой времени. Оно не могло не захватить кинематографистов, искавших животрепещущие темы для экрана.

Два молодых тогда кинорежиссера Сергей Юткевич и Фридрих Эрмлер задумали фильм о советском рабочем, о встречных планах, с сюжетом из реальной жизни Ленинградского металлургического завода.

Немало дней провели они вместе с соавторами по сценарию Л. Арнштамом и Л. Любашевским-Дэлем в цехах завода, знакомясь с рабочей средой, бытом, характером людей, трудностями. Так рождался сюжет фильма «Встречный», который Сергей Миронович Киров назвал таким же партийным делом, «как любая хозяйственно-политическая работа».

Коллектив студии «Ленфильм» отнесся к работе над картиной как к ударной стройке. Выпуск приурочили к пятнадцатилетию Октября, обязавшись провести съемки за несколько месяцев. В киностудии построили точный макет цеха металлургического завода. Ряд сцен снимали на набережной Невы и в других местах Ленинграда, колорит которого входил в действие фильма.

Написать музыку предложили Дмитрию Шостаковичу, уже сотрудничавшему с Юткевичем в фильме «Златые горы», имевшем большой успех.

В новом фильме решили дать музыку (только начинавшей входить в киноискусство после изобретения синхронной звукозаписи) больший простор, чем это было в «Златых горах».

«Встречный» складывался из трех органически связанных звуковых элементов: речи, в основном — диалогов; звуковых шумов, не натуральных, записанных на заводах, а шумов музыкальных, подбором и компоновкой которых занимался главным образом Л. Арнштам — талантливый пианист, вскоре заявивший о себе и как о незаурядном кинорежиссере. Музыка была третьим элементом, причем явственно делилась на два рода: песню и симфонические, инструментальные куски; в последних Шостакович продолжал исследовать разные возможности соотношения зрительного и звукового «рядов».

Многое было обусловлено сжатыми сроками подготовки фильма. Шостаковичу подчас приходилось писать музыку заранее, не видя отснятого материала, руководствуясь сценарием, режиссерским рассказом. Здесь и сказались его практика пианиста-иллюстратора немых фильмов, работа, которой он занимался в юности, его опыт автора опер «Нос», «Леди Макбет Мценского уезда», черты воображения, развивавшиеся во время предыдущих киноработ: с Г. Козинцевым и Л. Траубергом над фильмами «Новый Вавилон», «Одна».

Мысль о введении в фильм «производственной» песни родилась не сразу и принадлежала Фридриху Эрмлеру. Он предложил не подражать фольклорно-бытовой стилизации, как в песнях из популярных тогда фильмов «Путевка в жизнь», «Златые горы», а сочинить рабочую песню — ее условно назвали сначала «Утренняя песня», причем сразу решили, что она прозвучит со вступительных титров. Это было новшеством: песня впервые как бы вела кинопроизведение. В этом, как и в заданном характере, заключалась для Шостаковича трудность.

Ему уже приходилось писать песни, получившие известность, но для Театра рабочей молодежи — ТРАМа. То были вставные номера, да и аудитория ограничивалась театральным залом — задача массовости не ставилась. Здесь, во «Встречном», требовалась песня — стержень драматургии фильма, обращенная к многомиллионной аудитории. Шостакович должен был и хотел «спрессовать» весь свой предыдущий небольшой песенный опыт, чтобы создать произведение, особо весомое в жанре, выдвигаемому жизнью на передний край музыкального творчества.

В работе над фильмом принимал деятельное участие Адриан Пиотровский — видный филолог, руководивший одним из отделов студии. Он предложил заказать стихи Борису Корни-

лову, двадцатипятилетнему поэту, которого Шостакович знал по сборнику стихов «Молодость», вышедшему в 1928 году.

Корнилов, приехавший в Ленинград из нижегородской глуши, был чем-то похож на Есенина и привлек Шостаковича не только литературной своей, но и человеческой самобытностью, напором эмоций и размахом, звучавшими в стихах, их предметностью, весомостью: такой стих и нужен был для рабочей песни об утра светлого трудового дня.

В 1931 году вышел еще один сборник Корнилова. Вошедшие в него «Песня революционных казаков», «Октябрьская», «Интернациональная» обнаруживали глубокую музыкальность поэта.

Стихи для «Встречного» Корнилов, по свидетельству очевидцев, писал в студии, среди декораций, сразу, с ходу. Строки получались звонкие, иногда с неуклюжими, корявыми оборотами. Пиотровский их беспощадно критиковал, браковал. Сочинялись новые. Корниловские пробы не сохранились, но некоторые стихотворные варианты остались у Шостаковича. Например:

*Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
И вижу — ты пешишь рада
Семичасового гудка...*

Среди съемок, в лихорадочном темпе, то не успевая за сочинявшейся музыкой, то обгоняя ее, Борис Корнилов создавал емкие, светлые стихи, вошедшие в золотой фонд поэзии тридцатых годов:

*Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пеню гудка?
Не спи, вставай, кудрявая,
В цехах звеня,
Страна встает со славою
На встречу дня!*

Спустя почти полвека после того, как впервые прозвучали эти стихи, поэт другого, послевоенного поколения, Михаил Дудин писал об этих строках, что посвятил их Корнилову Ольге Берггольц, «хотя она никогда не завидовала своим прекрасным, золотым, тяжелым, как немолочный сноп пшеницы, волосам. В ее жизни было все: любовь и война. Горе и слава. И сама верность ее мятежной души была соткана из противоречий вечного поиска». Шостаковичу суждено было встретиться с Берггольц в осажденном Ленинграде осенью 1941 года в связи с работой над Седьмой, Ленинградской симфонией — поэтесса о ней рассказывала в передачах Ленинградского радио: так бурное время переплело судьбы людей из комсомольской песни о Встречном.

Исходя из текста Б. Корнилова, композитор добивался в мелодии упругих тонов, веселых, солнечных, легких. Утренняя песня пробуждения должна была рождать чувство ликующей радости.

Мелодия долго не давалась. Л. Любашевский-Дэль вспоминал, как «быстрый юноша приходил, в очках, садился за рояль и играл. Арнштам — музыкант, Эрмлер — душевно музыкант, Юткевич понимает во всех искусствах, — я скромнейше помалкивал. А юноша за роялем покорно слушался и приносил новую и новую мелодию...»

Большие трудности вызвал припев — слова никак не «ложались» на музыку. Призвали на помощь Пиотровского, который нашел вариант последних строк припева:

*Страна встает со славою
На встречу дня!*

Для мелодии Шостакович — редкий случай в его практике — придумал множество вариантов. Сохранилось четыре — по ним можно судить, на что направлялось внимание композитора, как выковывалась интонация. Первым, видимо, был набросан мотив на другой текст:

*Если каждый делу предан,
Если все вперед идем,
Песню радостной победы
Мы по миру разнесем...*

Далее текст в записях композитора обрывается. Следует мотив, в котором простота структуры явно переходит в примитив, монотонность повторов; наброски хора, еще наброски и затем, уже не отступая, Шостакович стал

упорно фиксировать варианты «Утренней песни»: ритмическая ее структура установилась сразу, но только на последней пробе удалось добиться лаконичных контуров, легкости, «полетности» мелодического рисунка.

Секрет достигнутой в окончательном варианте меткости, рельефности заключался в опоре на испытанные, с дерзкой простотой переосмысленные популярные интонации. И все-таки созданное Шостаковичем несло в себе иной жизненный нерв, возникший в результате естественного, органического сочетания светлого марша и песни. Мелодия быстро запоминалась, легко пелась. Ее сразу записали уже на студии, во время записи, синхронной со съемкой, проходившей в белые ночи. Эти кадры стали лучшими в фильме: песня звучала как пленительный ноктюрн, плавно лилась мелодия скрипки, проплывали картины ночного Ленинграда, Невы, Медный всадник, петровские здания на Васильевском острове. По набережной шли герои ленты — Катя и Василий, а с лодок по Неве доносилась приглушенная мелодия «Песни о Встречном» — песни-мечты. Тогда и «стало ясно, — вспоминает Л. Арнштам, — что песня удалась, что она «пойдет».

Шостакович намеревался продолжить сотрудничество с Корниловым: поэту заказали текст песни для нового фильма. Композитор заходил к Корнилову, обсуждая с ним заметки музыки. Но сценарий был признан неудачным. Работа прервалась.

А «Песня о Встречном» быстро стала всенародно популярной, способствуя известности и композитора и поэта больше других сочинений. Борис Корнилов писал о ней в стихотворении «Ящик моего письменного стола»:

*И дрожу от озноба весь я,
Радость мне потому дана,
Что из этого ящика песня
В люди выбилась хоть одна.*

Ольга Берггольц — жена Корнилова — отмечала спустя четверть века: «Одна его песня все эти годы бродила по свету — она жила, радовала людей — старых и молодых, звала их прямо и весело, строго и легко».

Отголоски этих стихов возникали и возникают сейчас в ряде подражаний, в стихах-воспоминаниях о недавней нашей истории. Из города Горького Вероника Частикова пишет:

*Когда я в детстве начала
Свою вторую пятилетку,
Страна в поход с собой взяла
Стремительную песню эту,
И, шутку добрую любя,
Отец сказал мне, между прочим:
«А песня, видно, про тебя».
Ведь я была кудрявой очень.
...Уж нет отца в живых давно
(Погиб под Курском в сорок третьем),
А песне гибнуть не дано —
Ей сквозь года лететь в бессмертье!..*

«В конце концов эта мелодия потеряла автора — случай, которым автор может гордиться», — замечал Шостакович, обычно редко и скупно высказывавшийся о своих созданиях.

Ветеран Французской коммунистической партии Фернан Гренье рассказывал, как французские коммунисты, услышав песню на московской Первомайской демонстрации 1935 года, тотчас ее запомнили и увезли во Францию среди самых волнующих впечатлений о Советской России: «Мы запомнили и полюбили строки „Страна встает со славою на встречу дня“ комсомольского марша из фильма „Встречный“».

В 1933—1934 годах «Встречный» демонстрировался в Чехословакии, Польше, США, Японии. В Швейцарии «Песня о Встречном» даже трансформировалась в свадебную песню.

Когда была учреждена Организация Объединенных Наций, в основу ее гимна положили мелодию «Встречного».

От этого фильма пошел поток массовых кинопесен. Не вызывает сомнений влияние музыки к этой ленте на творчество И. О. Дунаевского: он подчеркивал, что со «Встречного» «начинается процесс бурного и успешного развития советской массовой песни, нашедшей в киноискусстве своего мощного пропагандиста».

Да и сам Шостакович относил фильм «Встречный» к этапным в своей «кинобиографии», ставшей значительной частью его легендарной творческой жизни.